

Реалии войны вынесли на повестку дня новые, отличные от мирной жизни проблемы, разрешение которых по объективным причинам уже не могло находиться исключительно в компетенции совета старейшин. Выделяется категория лиц, способная результативно решать эти задачи. Речь идет о представителях армейских структур, то есть главным образом мужской молодежи, усилившей в условиях войны степень своей авторитетности и обладавшей значительной самостоятельностью в принятии решений. Тем не менее, несмотря на смену действующих лиц, выработанные в рамках народной дипломатии приемы и навыки продолжали сохранять свою актуальность. В том числе даже сама смена главных участников процесса переговоров не противоречит принципам народной дипломатии, так как традиционно характер проблемы, выносимой на переговоры, во многом обуславливал состав группы переговорщиков.

Библиография

Гусейнова С., Акопян А., Румянцев С. Кызыл-Шафаг и Керкендж: история обмена селами в ситуации Карабахского конфликта. Heinrich Boll Stiftung: South Caucasus, 2008.

Латин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008.

Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846. Тифлис, 1900.

Ю.В. Бучатская

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ПОЛЕВОЙ РАБОТЫ (в связи с опытом общения с иной исследовательской культурой)

Эта статья продиктована желанием поставить перед читателем вопросы, которые занимают автора в последнее время, и проиллюстрировать сказанное примерами из собственной полевой практики в Германии.

«Экспедиция» — экспедиция?

Мы впервые столкнулись с разницей в восприятии этнографической экспедиции в немецкой и российской традициях в 2000 г. в процессе подготовки и проведения экспедиции в Северную Германию. Наша группа (А.С. Мыльников, А.А. Новик и автор этих строк) с благодушной иронией восприняла непонимающую реакцию немецких коллег на наше обозначение тогдашних полевых исследований как «экспедиция в Ябельхайде». Профессор Кристиан Любке и его коллега Матиас Хардт из Лейпцигского гуманитарного центра, исправляя нас, называли нашу поездку «экскурсией», что, по нашему общему убеждению, было глубоко неверно и снижало вес предстоявшего предприятия. Ведь мы же ехали не в туристическое путешествие — нам предстоял выезд с серьезными научными целями, погружение в иную культурно-языковую среду и кропотливая работа по строго определенным методикам.

В словарях немецкого языка и этнографических терминов слово «Expedition» имеет значение «поездка с исследовательскими целями в отдаленную, часто неизвестную местность» [Langenscheidt 1997: 309] и воспринимается носителями языка (да и коллегами-гуманитариями) в связи с географическими и геологическими изысканиями, в области же этнологии — только в связи с этнологическими изучениями неевропейских народов. Это отсылает нас к опыту исследований и парадигме полевой работы Бронислава Малиновского. В словаре немецкой этнографии 1936 и 1974 гг. данный термин вообще отсутствует.

В связи с этим еще раз укажем существующее до настоящего времени в немецкой традиции деление этнографии на науку о своем народе (нем. *deutsche Volkskunde*), или европейскую этнологию (нем. *Europäische Ethnologie*), и науку о неевропейских (колониальных) народах (нем. *Völkerkunde*, *Ethnologie*). Надо заметить, что даже при декларированной и предпринятой в 1960-х годах переориентации немецкой этнографии на европейскую, отказ от национал-социалистического научного наследия и переименование дисциплины из *deutsche Volkskunde* в *Europäische Ethnologie / Kulturanthropologie / Empirische Kulturwissenschaft*, отчего она получила шутивное прозвище «науки с множеством имен», до сегодняшнего дня исследования немецких европейских этнологов остаются в рамках Германии и ее узколокальных культур. Немногочисленные попытки немецких коллег в европейских исследованиях выйти за рамки родины акцентируют свою общеевропейскость в названии публикаций: *Ethnologie Europas* (этнология Европы), но не *Europäische Ethnologie*, что может ошибочно быть воспринято как немецкая этнография [Drakle, Kokot 1996: 4].

Если задуматься над темами современной европейской этнографической науки Германии и ее полем, то становится ясным, что выезд для полевой работы не является необходимым условием. Выезда и не происходит: пространственные рамки исследований позволяют вести интервьюирование, анкетные опросы и даже включенное наблюдение, не покидая пределов университетского города, в котором осуществляется и координируется проект. Пространство поля определяется темой исследования. Современные темы не имеют в качестве предмета исследования определенную этническую или региональную культуру вообще, но ориентированы проблемно, следовательно, не требуют строгой региональной привязки и могут осуществляться на «подручном» материале.

Назову некоторые из актуальных и завершенных в 2000-х годах проектов, предусматривавших сбор собственного полевого материала: «Уют» (нем. «Gemütlichkeit») — исследования значения и восприятия понятия «уют» и «уютность» современным немецким обществом и связанных с ним немецких этнонациональных стереотипов [Schmidt-Lauber 2003]; «Средний город — городская жизнь вне метрополии» (нем. «Mittelstadt — urbanes Leben jenseits der Metropole») [Mittelstadt... 2010]; различные региональные проекты из области «Oral History» [Himmel und Hölle 2002]; «Этнография в метрополии. К истории возникновения знающей среды и производства культурных форматов знания в Берлине» (нем. «Volkskunde in der Metropole. Zur Entstehung eines volkskundlichen Wissensmilieus und zur Produktion kultureller Wissensformate in Berlin») [[http:// www.kaschuba.com/texte/projekte/Volkskunde_Metropole.pdf](http://www.kaschuba.com/texte/projekte/Volkskunde_Metropole.pdf)].

Эти и многие другие исследования осуществлялись на материалах непосредственно тех городов, которые заявлены в названиях проектов или в которых проекты осуществлялись (соответственно Гамбург, Геттинген, Вюрцбург, Берлин). То же касается и студенческих проектов, полевая работа в рамках которых может осуществляться на «малой родине» студента в свободное от семинарских и лекционных занятий время. Единственный вид выездов молодых этнографов-универсантов с познавательными целями в удаленные от университетского центра местности носит название «Exkursion» (рус. «образовательная поездка»). Поездка предполагает не только пассивный осмотр достопримечательностей местности, но и собственное включение в ее активное познание путем выполнения ряда учебных заданий, бесед с координаторами, архивных изысканий и т.д. В этой особенности организации этнографической науки в Германии и имеющихся различиях с российской видятся причины имеющегося до сих пор нашего взаимного непонимания.

Полевое этнографическое исследование перестает быть «экспедицией» и для российского ученого-этнографа. Исследование коммунального быта, проводимое в 1990-х годах И.В. Утехиным, предполагало «работу в поле», но она же была частью жизни [Утехин 2000]. Исследования по антропологии города и как ее составляющих частей этнографии повседневности, различных профессиональных сообществ и субкультур также не требуют специального выезда и находятся на грани собственно жизни и поля [Щепанская 2003].

В моем опыте немецкого поля были как краткосрочные выезды, вполне подходящие под определение экспедиции, так и полуторогодовалое пребывание в стране, во время которого я проводила в том числе полевые исследования. В этом последнем случае говорить об экспедиции невозможно без многочисленных оговорок. В таком опыте невозможно было осуществить одно из главных требований парадигмы Малиновского «покинуть на время свою собственную культуру, жить в другой “одиноко” и “в одиночку”, чтобы смочь погрузиться в нее, не принадлежа ей, оставаться постоянно “чужим” и из этого промежуточного положения исследовательского существования получать систематические знания о взаимном восприятии культур» [цит. по: Kohl 1993: 111; Kaschuba 2006: 67].

Со мной в этой «другой» культуре жила и моя семья, включая двух маленьких детей, и это не могло не оказать влияние на исследование. Вынужденное нахождение внутри чужой культуры для исследовательских целей оказывало свое воздействие и на сопровождавших меня членов семьи — на бытовом и личностном уровнях. Это была уже не экспедиция как временное экстремальное состояние, а рутинная повседневная жизнь. Во время изучения профессиональной культуры бамбергских гэртнеров мне часто приходилось отправляться на интервью в дома моих информантов с детьми, поскольку не с кем было их оставить. Присутствие детей значительно меняло ситуацию интервьюирования и атмосферу работы с информантами: с одной стороны, это был сильный мешающий фактор, технически и акустически затруднявший общение и запись на диктофон. С другой — атмосфера в ходе работы становилась более непринужденной, домашней, разговор с информантом начинался естественным образом, без вводных подготовительных фраз, поскольку сразу возникало множество связующих «жизненных» тем, касающихся детей, внуков, фаз их взросления, сравнений.

Это очень ценный материал по культуре повседневности современной Германии, помимо собственно тем профессиональной культуры группы. Присутствие детей и связанные с ними факторы, находящиеся

вне исследования и ситуации «обязательного» акта интервьюирования, положительно сказывались на укреплении личных контактов с исследуемым обществом. Постоянно поддерживаемые отношения с информантами и неоднократные их посещения давали возможность попасть в частную сферу жизни и жилого пространства, получить уникальный материал по культуре жилища и оформления помещения дома традиционных городских земледельцев в его современном состоянии.

Надо отметить, что подобный опыт довольно редок для полевой работы в области немецкой этнологии: посещение домов и интервью в частной сфере оказываются зачастую привилегией исследователей, проводящих полевую работу в хорошо знакомой/родной среде — на собственной улице, в родной деревне, в собственном доме.

Многократность и продолжительность контактов позволяет на правах знакомого (иногда уже даже друга семьи) входить в личное пространство, беседовать на частные темы, присутствовать при совершении домашних и производственных процессов, не представляя собой внешней помехи, и наблюдать таким образом элементы повседневности, слышать истории, которые не всегда вспоминаются в ходе запланированного однократного интервью с исследователем-чужаком или могут быть адекватно описаны самим информантом в интервью.

«Мы же не папуасы, чего нас изучать?»

Другой дискуссионный аспект заключается в распространенном скепсисе германских коллег относительно возможности изучения культуры и этнографии Германии иностранными учеными. В недоумении коллег-историков и этнографов Востока и Лейпцига, сотрудничавших с нами в 2000 г., слышались возгласы: «Ведь мы же не индейцы, чтобы к нам снаряжать экспедицию и изучать нас!» Хотя с этим можно и поспорить, что и делают прогрессивные этнологические умы [Kaschuba: ПМА 2011].

Я сама до сих пор испытываю снисходительно-покровительственное отношение коллег-европейских этнологов, которые готовы помочь своим материалом и вторичной литературой, подарить свои публикации, но не высказывают заинтересованности в изысканиях российских ученых. Схожим мнением делились со мной в 2009 и 2011 гг. японские исследовательницы — этнограф и литературовед, занимающиеся соответственно проблемами этнографии Берлина и изучением немецкого романтизма. Между тем последняя, Икуе Нагасава, более десяти лет изучала творчество немецких писателей-роман-

тиков и имела хороший уровень немецкого языка, но стабильно игнорировалась немецкими коллегами. Во время прошедшего в сентябре 2011 г. конгресса немецкого этнологического общества в Тюбингене на мой доклад пришел руководитель оргкомитета, президент общества и «хозяин» конгресса профессор института эмпирической культурологии им. Л. Уланда Райнхард Йолер. Перед докладом он лично поприветствовал меня и пожал руку, что, не скрою, было очень приятно, а по окончании моего доклада задал всего два вопроса: «Почему Вы так хорошо говорите по-немецки?» и «Как же так, почему Вы издалека в своей России изучаете Германию?» Молодое поколение этнографов-выпускников последних лет с возмущением реагирует на такие проявления научного «великонемецкого шовинизма», парируя, что «закоснелые европейские этнологи должны бы наконец осознать, что не только они имеют право изучать иные этносы, и увидеть, что сами также являются объектом изучения других национальных этнографий» [ПМА 2011]. Не нуждается в доказательстве факт, что «сторонние» наблюдения представителей иных культур могут выявить такие элементы в культуре изучаемого общества, которые в силу своей привычности обходились вниманием собственных исследователей.

Одним из примеров является долгая история изучения бамбергских гэртнеров, направленный научный интерес к которым фиксируется уже в XVIII в. Казалось бы, поле изучения уникальной культуры этой профессии давно исчерпало себя: описаны специфические орудия труда и овощные культуры Бамберга, способы производства аграрной продукции в городе, диалект, быт, традиции религиозной жизни, верования, костюм, дом-двор. Целые сочинения были посвящены детальным описаниям отдельных хозяйств и домов и т.д. При всем многообразии и постоянстве научных проектов, касающихся гэртнеров, местные этнологи до сих пор обходят вниманием ряд исследовательских дискурсов, например комплексное описание профессиональной традиции гэртнеров как субкультуры, ее элементов, знаков и атрибутов, имеющих повышенный семиотический статус для представителей группы. Проводя полевую работу с принципиально иных позиций иностранной исследовательской школы (прямой контакт и посещение информантов в их доме) и будучи представителем иной культуры, исследователь может получить доступ в личное пространство и заострить внимание на деталях, обойденных вниманием немецких коллег или не увиденных в силу закрытости приватной сферы или их привычности.

«Фактологический материал, собранный в поле, непотопляем»

Обсуждая разногласие в определении экспедиции в северонемецком поле 2000 г., мы пришли к выводу, что в немецкой школе этнографии нет понятия «экспедиция» в смысле «работа в поле», что «их» исследования основаны на вторичных источниках и архивах, а наша деятельность черпает из первоисточника и потому намного больше приближена к действительности. Источник добывается исследователем самостоятельно в ситуации личного присутствия и включенного наблюдения, а нахождение «в поле», как известно, рождает ощущение непосредственности события. Традиционно исследователь-полевик воспринимается как «истинный этнограф» в отличие от кабинетного или архивного ученого. Оттого и научные работы, написанные на основе (собственных) полевых материалов, воспринимаются нами если не истиной в последней инстанции, то по крайней мере неопровержимыми. Я часто при этом думаю о словах своих коллег: «Фактологический материал, собранный в поле, непотопляем» [Новик 2009: 4].

Так ли непотопляемы и первичны сведения, содержащиеся в добытом нами в современном поле материале? Исследуемое нами европейское общество давно стало информационным и потому — информированным. Яркий пример — уже упоминавшиеся бамбергские гэртнеры. Стойкий интерес к их профессиональной группе со стороны научного сообщества, долготное сотрудничество с университетскими учеными для осуществления разных исследовательских проектов, создание и популяризация музея давно открыли для представителей профессии ценность собственной культуры и традиций, а также ее материальных объектов. Гэртнеры в начале XXI в. располагают всеми научными изданиями по теме, печатными копиями неопубликованных архивных материалов, которые распространяются в профессиональной среде, подобно «самиздату», бережно хранят вырезки из газет и публикаций про свою семью или профессиональную группу. Сегодня гэртнеры четко знают, какие вопросы будут интересовать исследователя и как на них отвечать. Если вопрос касается форм быта и повседневности довоенного поколения, то почти все пересказывают соответствующее место неопубликованного сочинения 1909 г. коллеги и предшественника по ремеслу Ханса Роста [Rost 1909: 2–3] или просто приносят книгу, где уже цитировалось это место.

Столь же любопытной оказалась мифологема славянских корней соловья гэртнеров и рассказы информантов об этом факте. Гипотезы

иноэтничного происхождения сословия гэртнеров впервые в конце XIX в. связали с теорией национальных характеров, и через нее публицисты обосновывали уникальность культуры, психического и физического склада гэртнеров Бамберга, стойкость их традиций, религиозность и консервативность [Schuster 1897: 132]. В последующее столетие цитаты из Шустера или переложения «славянской» гипотезы встречались в упомянутой рукописи Роста 1909 г., в этнографических и краеведческих статьях 1930-х годов [Saller 1931: 4], в дипломных и курсовых сочинениях студентов-этнографов 1970-х годов, в книге местного историка В. Вусманна [Wußmann 2002: 21–23], которыми также располагают интересующиеся собственной культурой гэртнеры. В трех интервью мне приходилось слышать сообщения о славянских корнях сословия гэртнеров, подкрепленные ссылками на рассказы родителей и антропологические сходства предков со славянами [ПМА 2009]. Это напоминало интервью нашей экспедиции в деревни Ябельхайде в 2000 г., когда практически все информанты, зная тему наших изысканий в их регионе, рассказывали о славянском прошлом своих деревень и этимологии их — славянских — названий. В условиях более семи веков полной ассимиляции славянополабской общности в Северной Германии это знание не транслировалось как устная история, но было почерпнуто из многочисленных юбилейных информационных брошюр по истории деревень, написанных в 1980–1990-е годы историками или местными краеведами в кооперации с историками.

Любое исследование представляет собой культурную практику и оказывает влияние на исследуемое общество. Сегодня маловероятно встретить в Европе девственно нетронутые информационным бумом общности, представители которых впервые сталкиваются с фактом их изучения и доносят до нас информацию в ее первоначальном, истинном виде. Парадокс истории немецкой этнологии вообще состоит в том, что она обратилась к исследованию традиционной народной культуры именно тогда, когда традиционная культура уже начала уступать место современной индустриальной. Этнографы-собиратели XIX в. собирали и сохраняли отчасти реконструированные и придуманные ими самими «шедевры» народной культуры [Kaschuba 2006: 169]. Собрания мифов, сказок, обычаев и их интерпретации публиковались уже в XIX в. и были доступны широким слоям населения при условии их грамотности в виде популярных народных календарей и брошюр для чтения вслух. Они служили «целям просвещения народа в народном духе» [Там же: 171].

Не только исследователь влияет на изучаемую общность, но и наоборот. Исходя из собственного опыта замечаю, что исследователь всег-

да немного идеализирует объект исследования, увлеченно аргументируя полевым материалом выдвинутую гипотезу и невольно перенося эту субъективность в продукт научной работы. Встает проблема самопознания и познания «другого» в такой культурной деятельности, а также вопрос о возможностях и границах (меж)культурного понимания, которые рождают постмодернистский скепсис: возможно ли вообще говорить о неоспоримости собранных нами в поле фактов, свидетельств.

При интерпретациях и использовании материала в дальнейшей научной обработке необходимым видится методологический подход «наблюдения за наблюдением» (нем. *Beobachtung der Beobachtung*) [Reinhard 1999: 247] — критический анализ ситуации поля: ситуации сбора каждого конкретного материала (включая политическую и психологическую), анализ биографических данных, социального положения и культурного опыта информанта, одним словом, его «личности». Оправданной видится также саморефлексия исследователя-полевого: какую цель преследует ученый своими полевыми исследованиями; какова научная гипотеза исследователя, иначе говоря, что он планирует доказать или опровергнуть собранными полевыми материалами, как менялась интенция его работы в процессе полевых исследований, как влиял на это изменение опыт полевой жизни и взаимоотношения с информантами. Какова степень ожидаемости получения данных от информанта, следовательно, степень проверяемости гипотезы через полученные в поле материалы? Пошаговый критический анализ собственной эволюции в процессе научного исследования, включая полевую работу, не сделает более объективными результаты такого исследования, но обеспечит взгляд «с другой стороны» на исследовательский процесс, в том числе полевую работу.

Библиография

Новик А.А. Предисловие // Мыльников А.С., Иванова-Бучатская Ю.В., Новик А.А. В лесах Северной Германии: по следам исчезнувших славян. В 2 т. СПб., 2009. Т. 1.

Утехин И.В. Очерки коммунального быта. М., 2000.

Щепанская Т.Б. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1 (21). С. 139–161.

Drakle D.; Kokot W. Neue Feldforschungen in Europa. Grenzen, Konflikte, Identitäten // Ethnologie Europas / Hg. D. Drakle; W. Kokot. Berlin, 1996.

Himmel und Hölle. Kindheit und Jugend in bewegter Zeit / Hg. H. Alzheimer. Marktbreit, 2002.

Kaschuba W. Einführung in die Europäische Ethnologie. München, 2006.

Kohl K.-H. Ethnologie — die Wissenschaft vom kulturell Fremden. Eine Einführung. München, 1993.

Langenscheidts Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache. Berlin; München, 1997.

Mittelstadt: Urbanes Leben jenseits der Metropole / Hg. B. Schmidt-Lauber. Frankfurt am Main; N.Y., 2010.

Reinhardt Ch. Die Richardstraße gibt es nicht. Ein konstruktivistischer Versuch über lokale Identität und Ortsbindung. Frankfurt am Main; N.Y., 1999.

Rost H. Die Bamberger Gärtnerei. Ein Kultur- und Wirtschaftsbild aus Vergangenheit und Gegenwart. Bamberg, 1909.

Saller K. Die bamberger Gärtner und ihre Beziehungen zu anderen Gruppen // Bamberger Blätter für Fränkische Kunst und Geschichte. 8. und 9. Jg. 1931/1932.

Schmidt-Lauber B. Gemütlichkeit. Hamburg, 2003.

Schuster A. Der Bamberger Gärtner // Alt Bamberg. Bamberg, 1897/98.

Wußmann W. «Ein Zwiebeltreter bin ich gern». Bamberg und seine Gärtner. Bamberg, 2002.

Н.Г. Голант

ЗАМЕТКИ ОБ ЭКСПЕДИЦИИ К МОЛДАВСКИМ ЕВРЕЯМ

В статье представлены полевые материалы, собранные в ходе экспедиции в северную часть Республики Молдова, которая была организована Центром научных работников и преподавателей иудаики «Сэфер» в августе 2011 г. Экспедиционная работа велась главным образом в г. Бельцы, были осуществлены также выезды в г. Бричаны и Сороки. Целью экспедиции было изучение культуры евреев, проживающих в этой местности.

Участники экспедиции вели сбор материала по таким темам, как календарная и семейная обрядность, мифология, культ цадигов¹, представ-

¹ Цадик (ивр. צדיק «праведник») — в иудаизме, и особенно в хасидизме — благочестивый человек, пользующийся особым расположением Бога, духовный лидер хасидской общины. Хасиды верили в чудотворные способности своих цадигов, считали, что они могут исцелять нездоровых, бесплодных женщин и т.п. Многие цадики были незаурядными религиозными мыслителями, авторами богословских сочинений. Предания о чудесах, сотворенных тем или иным цадиком, были очень популярны в среде хасидов (см.: [Российский гуманитарный энциклопедический словарь 2002]).